

**А. В. Чудинов**  
Государственный академический  
университет гуманитарных наук  
Москва

## **О ПРИЧИНАХ ПЕРВОГО КАИРСКОГО ВОССТАНИЯ 1798 г.**

Египетскому походу 1798–1799 гг. принадлежит особое место в биографии Наполеона Бонапарта. На протяжении всей своей военной и государственной карьеры и с удвоенной энергией после ее завершения Наполеон заботился о том, какую память оставит о себе в истории. И Египетская кампания являлась для него поистине ахиллесовой пятой, представляя критикам немало возможностей бросить тень на его героический образ. Поэтому Наполеон и посвятил ей отдельные мемуары, постаравшись представить все тогда происходившее в наиболее выгодном для себя свете. Их лейтмотив таков: Бонапарт разбил на поле боя всех врагов, подчинил себе страну, замирил её, создал эффективно работавшую администрацию и нашёл полное взаимопонимание с местными жителями. Однако обращение к другим источникам даёт совершенно иную картину взаимоотношений французов и египтян в первые месяцы оккупации Каира, чем та, которую представил в своих мемуарах Бонапарт. Систематическое оскорбление оккупантами религиозных чувств приверженцев ислама, непрерывный террор со стороны новых властей, спровоцированное французами обострение межконфессиональных противоречий в египетском обществе, попытка радикального изменения отношений собственности и порядка налогообложения без учета существующих реалий и, наконец, агрессивное привнесение в повседневную жизнь мусульманского общества чуждых тому практик поведения – всё это способствовало накоплению у египтян того недовольства, которое в результате и привело к социальному взрыву Первого Каирского восстания. Ситуация в египетском обществе была бесконечно далека от той гармонии, которую в своих мемуарах нарисовал Бонапарт. Его попытка завоевать симпатии жителей Египта на самом деле полностью провалилась. Ключевые слова: Египет, Франция, Наполеон Бонапарт, Египетский поход 1798–1801, Первое Каирское восстание

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00011 (<https://rscf.ru/project/23-18-00011/>).

Цитирование: Чудинов А.В. О причинах Первого Каирского восстания 1798 г. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-74-96> // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 74-96.

Поступила в редакцию: 20.05.2023

Принята к печати: 11.06.2023

**Alexander V. Tchoudinov**

State Academic University for the Humanities

Moscow

## **ON THE CAUSES OF THE FIRST CAIRO UPRISING OF 1798**

The Egyptian campaign of 1798-1799 has a special place in the biography of Napoleon Bonaparte. Throughout his military and state career, and with renewed vigor after its completion, Napoleon cared about what kind of image he would leave in history. And the Egyptian campaign was truly an Achilles' heel for him, providing critics with many opportunities to darken his heroic image. Therefore, Napoleon dedicated special memoirs to this campaign, trying to present everything that happened there in the most favorable light for himself. Their leitmotif is as follows: Bonaparte defeated all enemies on the battlefield, subdued the country, pacified it, created an effective administration, and found utter understanding with the locals. However, studying of other sources gives a completely different picture of the relationship between the French and Egyptians in the first months of the occupation of Cairo than the one presented in his memoirs by Bonaparte. The systematic insulting by the occupiers of the religious feelings of adherents of Islam, the incessant terror on the part of the new authorities, the aggravation of interfaith contradictions in Egyptian society provoked by the French, the attempt to radically change property relations and taxation without taking into account existing realities, and, finally, the aggressive introduction of alien cultural practices into the daily life of Muslim society – all this contributed to the accumulation of discontent among the Egyptians which, as a result, led to the social explosion of the First Cairo Uprising. The situation in Egyptian society was infinitely far from the harmony that Bonaparte drew in his memoirs. His attempt to win the sympathy of the people of Egypt completely failed.

Keywords: Egypt, France, Napoleon Bonaparte, the Egyptian Campaign of 1798–1801, The First Cairo Uprising

Acknowledgements: The study is sponsored by the Russian Science Foundation, grant № 23-18-00011 (<https://rscf.ru/project/23-18-00011/>).

Citation: Tchoudinov, A., (2023). O prichinakh Pervogo Kairskogo vosstaniia 1798 g. [On the causes of the First Cairo Uprising of 1798]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-74-96>. *Annual of French Studies*, 2023, vol. 56, p. 74-96.

В богатой перипетиями, насыщенной взлетами и падениями биографии Наполеона Бонапарта его Египетскому походу 1798–1799 гг. принадлежит особое, ни с каким другим событием не сравнимое место, прежде всего, в силу крайней противоречивости оценок данного предприятия современниками, а позднее историками. Что это было: блистательный триумф или бесславное поражение? Вот уже двести с лишним лет на сей счет высказываются диаметрально противоположные мнения.

Одним Египетский поход видится авантюрой, в которую ее инициатор втянул десятки тысяч людей без их ведома, а потом, когда положение армии стало безнадежным<sup>1</sup>, бросил их на произвол судьбы в далекой и негостеприимной стране, тайком сбежав на родину. Именно так оценивал действия Наполеона автор одной из классических его биографий – А. З. Манфред: «Бонапарт давно уже искал подходящий повод, чтобы бежать из Египта. Он искал этот повод потому, что еще ранее понял, и не мог не понять – это было самоочевидно, что дальнейшее пребывание в Египте вело его с самоочевидностью к гибели. <...> Он отчетливо понимал, что египетская кампания проиграна. <...> И какие бы варианты он ни прикидывал, итог оставался одним и тем же: кампания проиграна, армия идет к гибели, и Египет придется очищать, и спасения от этого нет»<sup>2</sup>.

Другие же авторы, которые принадлежат, скажем так, к апологетическому направлению наполеонистики, напротив, считают Египетский поход вполне успешным предприятием. По их словам, Бонапарт, обеспечив Франции прочное владение Египтом, отправился на родину исключительно для выполнения еще более важной задачи – спасти уже саму Республику от внешней опасности. Так, по словам мэтра отечественной историографии Е. В. Тарле,

<sup>1</sup> Подробнее см.: Чудинов А.В. Египетское «наследие» Бонапарта // ФЕ 2019. М., 2019. С. 100–127.

<sup>2</sup> Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980. С. 250–251.

Наполеон «выехал во Францию, оставив Клеберу большую хорошо снабженную армию, исправно действующий (им самим созданный) административный и налоговый аппарат и безгласное, покорное, запуганное население огромной завоеванной страны»<sup>3</sup>. Схожим образом оценивает действия Бонапарта автор его новейшей научно-популярной биографии Э. Робертс: «Теперь [после сухопутного сражения при Абукире], когда был разбит второй десант турок и Египту пока ничто не угрожало, Наполеон решил как можно скорее вернуться в беззащитную Францию, противостоявшую новой коалиции во главе с Англией, Россией и Австрией. Впоследствии Наполеона упорно обвиняли в том, что он бросил своих солдат, но на самом деле он шел на звук канонады: лучшему французскому полководцу было нелепо оставаться на Востоке, второстепенном театре войны, когда вторжение угрожало самой Франции»<sup>4</sup>. Сторонники подобной трактовки не слишком оригинальны: они следуют в своих рассуждениях за самим Наполеоном, которому очень хотелось, чтобы потомки именно так и запомнили его египетскую эпопею.

На протяжении всей своей военной и государственной карьеры и с удвоенной энергией после ее завершения Наполеон заботился о том, какую память он оставит о себе в истории. А поскольку Египетская кампания являлась для полководца поистине ахиллесовой пятой, предоставляя критикам немало возможностей бросить тень на его героический образ, Наполеон написал о ней мемуары, постаравшись представить все происходившее в наиболее выгодном для себя свете. Такой же чести с его стороны удостоились еще только две из его многочисленных кампаний – первая – 1796 г. и последняя – 1815 г. И если их выбор не требует дополнительных объяснений – они знаменовали собой начало и конец его пути как военачальника и государственного деятеля, то желание Наполеона из всех остальных своих кампаний написать воспоминания именно о Египетском походе говорит о том особом значении, которое он придавал его «правильной» трактовке.

Лейтмотив мемуаров Бонапарта о Египетской кампании, неоднократно воспроизводившийся затем его апологетами, таков: он разбил на поле боя всех врагов, подчинил себе страну, замирил её, создал эффективно работавшую администрацию и нашёл взаимопонима-

<sup>3</sup> *Тарле Е. В.* Наполеон // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. Т. 7. М., 1959. С. 73.

<sup>4</sup> *Робертс Э.* Наполеон: биография. М., 2023. С. 221.

ние с местными жителями. Вина же за последующий крах экспедиции ложится исключительно на преемников Бонапарта во главе Восточной армии – генералов Ж. Б. Клебера и особенно А. Ж. Мену.

Характерно, что львиную долю воспоминаний Наполеон посвятил не военным победам – ход боевых действий изложен им достаточно лаконично, – а своим усилиям по завоеванию доверия египтян. В принципе такой акцент не удивителен: эта задача была гораздо сложнее разгрома иррегулярной конницы мамлюков при Пирамидах или малодисциплинированной турецкой пехоты при Абукире. Если бы в подобной политике Бонапарту действительно удалось добиться успеха, то это самым лучшим образом характеризовало бы его как государственного мужа. Он это прекрасно понимал и еще на стадии планирования экспедиции ставил себе целью завоевать не только территорию, но и сердца египтян. Для того были заранее подготовлены прокламации на арабском языке, распространение которых началось уже в Александрии – первом египетском городе, захваченном французами. Прокламации заверяли местных жителей в том, что французы почитают ислам, являются друзьями султана и пришли освободить египтян от гнета мамлюков<sup>5</sup>.

Если верить мемуарам Наполеона, подобная политика умиротворения оказалась вполне эффективной и достаточно быстро дала желаемый результат. По его словам, духовные лидеры Каира – шейхи мечети Аль-Азхар – приняли на веру обещание, которое он им дал, перейти через некоторое время в ислам со всей Восточной армией и выпустили соответствующую фетву, после чего отношение мусульман к французам с настороженно-враждебного сменилось на дружественное:

«Не прошло и месяца со времени вступления французской армии в Каир, как настроение шейхов изменилось. Они искренне привязались к султану Кебиру [Бонапарту]. Они были поражены тем, что победа неверных, которой они так боялись, обеспечила их торжество; это для них французы одержали победу у пирамид!»<sup>6</sup>

«Повсюду шейхи проповедовали, что Наполеон, не будучи неверным, любя Коран, выполняя миссию Пророка, является истинным служителем священной Каабы. Этот переворот в умах сопровождался переворотом в управлении. Все, что было трудно, стало легко; все,

<sup>5</sup> Подробнее см.: Чудинов А. В. Французы в Египте 1798—1801 гг.: неудавшийся диалог цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/>

<sup>6</sup> *Наполеон Бонапарт*. Египетский поход. СПб., 2007. С. 117.

что прежде удавалось приобрести с оружием в руках, теперь стало поступать по доброй воле, без усилий. С этого времени паломники, даже самые фанатичные, неизменно оказывали султану Кебиру такие же почести, как мусульманскому государю; примерно с того же времени при появлении главнокомандующего в городе правоверные стали падать ниц; они вели себя по отношению к нему так, как имели обыкновение вести себя по отношению к султану»<sup>7</sup>.

Автор мемуаров утверждал, что столь благоприятные перемены в настроениях каирцев ему удалось закрепить, проведя череду пышных праздников – Праздник Нила, день рождения Пророка и праздник Республики:

«Непринужденность и веселье, с которыми мусульмане предавались всем этим церемониям, искренность, радость и братство, которые характеризовали их отношения с солдатами, позволяли судить о развитии общественного мнения и о том, сколь велико было достигнутое сближение»<sup>8</sup>.

И даже иногда возникавшие недоразумения между французскими военными и местными жителями командующему Восточной армией удавалось, по его утверждению, обращать во благо и использовать для укрепления взаимного понимания:

«Офицеры инженерных войск, занятые фортификационными работами, повредили несколько могил. Весть об этом распространилась и вызвала величайшее недовольство. Около 6 часов вечера народный поток заполнил площадь Эзбекия и поднял шум под окнами султана Кебира. Охрана закрыла шлагбаумы, встала в ружье. Главнокомандующий был за обедом. Он подошел к окну со своим переводчиком, гражданином Вантюром, который объяснил ему, что это признак доверия, освященный обычаем способ представлять петиции государю. Вантюр спустился вниз, приказал открыть шлагбаумы, успокоил охрану, велел выбрать депутацию из двадцати человек. Эти люди поднялись в апартаменты главнокомандующего и были приняты с величайшим уважением. С ними обращались, как с великими шейхами. Им подали кофе и шербет. Затем их ввели к главнокомандующему; они изложили свои жалобы. <...> Был послан приказ немедленно прекратить работы, и муфти выполнили все необходимые формальности, предписываемые в подобных случаях ритуалом. Делегаты были чрез-

<sup>7</sup> Там же. С. 123.

<sup>8</sup> Там же. С. 126.

вычайно польщены; они выразили свое удовлетворение собравшемуся народу; поднявшись на подобие помоста, они отчитались в сделанном депутацией. Отчет был встречен возгласами радости. Затем они отправились к оскверненным могилам. Работы были уже прекращены. Гордые своей победой, успокоив свою совесть, они прошли через весь город, распевая стихи Корана. Наконец они вошли в мечеть Аль-Азхар, где служил один имам; он помолился за султана Кебира и за то, чтобы Пророк всегда поддерживал в нем настроения, благоприятные исламу»<sup>9</sup>.

Однако с нарисованной Наполеоном идиллией добрых взаимоотношений между оккупантами и жителями Каира, якобы существовавшей на протяжении трех месяцев после захвата французами столицы Египта, резко диссонирует вспыхнувшее 22 октября 1798 г. Первое Каирское восстание. Напрашивается вопрос: если в городе царило полное взаимопонимание и развивалось взаимовыгодное сотрудничество, то почему в один далеко не прекрасный день египетские мусульмане принялись резать французов и местных христиан? Автору мемуаров требовалось найти этому факту какое-то объяснение, которое не противоречило бы всему сказанному им ранее.

По словам Наполеона, глубинной причиной внезапно начавшихся беспорядков стало то, что в сентябре 1798 г. султан объявил французам войну. А это, в свою очередь, случилось из-за нарушения правившей во Франции Директорией изначально согласованного с Бонапартом порядка действий: она не отправила в Константинополь министра иностранных дел Ш. М. Талейрана, дабы тот объяснил туркам, что Египетская экспедиция направлена не против них, а только против мамлюков. Не зная о том, султан не смог противостать совместному нажиму Англии с Россией и объявил Франции войну, что привело к резкой перемене настроений и в Египте:

«Эти вести привели в уныние диван. Он был напуган тем, что силы Порты присоединились к силам Англии и России, и стал сомневаться в исходе войны. Наиболее горячие головы охладели, те же, кто был холоден и робок, сделались нашими врагами»<sup>10</sup>.

Иначе говоря, вполне успешной изначально политике Бонапарта повредили, согласно его утверждению, внешние факторы, от него не зависевшие.

<sup>9</sup> Там же. С. 128–129.

<sup>10</sup> Там же. С. 138.

Непосредственным же детонатором восстания Бонапарт считает приказ французского командования убрать многочисленные ворота, которые испокон веков разделяли кварталы Каира. Данное распоряжение вызвало недовольство жителей, которое дополнительно подогревалось инсинуациями оставшихся в городе тайных сторонников мамлюкских беев. Косвенно автор мемуаров бросает также упрек коменданту Каира генералу Д. М. Дюпюи, отмечая, что тот был «горяч и весьма вспыльчив», чем, как должны были сделать вывод читатели, лишь усилил раздражение горожан. При такой трактовке всего происшедшего политика самого Бонапарта выглядела совершенно безупречной.

Так оно было или нет, мы проверим, сравнив версию событий, изложенную в мемуарах Наполеона, со сведениями других источников – официальных документов Восточной армии, опубликованных К. де Ла Жонкьером<sup>11</sup>, арабских хроник каирского шейха ал-Джабарти<sup>12</sup> и ливанского христианина Никулы ат-Турка<sup>13</sup>, корреспонденции самого Бонапарта, изданной недавно Фондом Наполеона<sup>14</sup>, дневников, писем и мемуаров других участников Египетского похода<sup>15</sup>.

\* \* \*

Бонапарт, как уже было выше сказано, старался завоевать сердца мусульман и сразу же по вступлению на землю Египта объявил себя почитателем ислама. В первом же из обращений к местным жителям, оглашенном после взятия Александрии, он заявил: «Народ Египта, вам скажут, что я пришел погубить вашу религию, не верьте этому! Ответьте, что я пришел восстановить вас в ваших правах, наказать узурпаторов, что я больше, чем мамлюки, чту Аллаха, его пророка Мухаммеда и славный Коран!»<sup>16</sup>. Следуя

<sup>11</sup> *La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. 2<sup>e</sup> éd. P., 2003. T. 2–3.*

<sup>12</sup> *Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962; Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Leiden, 1975.*

<sup>13</sup> *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Égypte. P., 1839; Turc N. Chronique d'Égypte 1798–1804. Le Caire, 1950.*

<sup>14</sup> *Bonaparte N. Correspondance générale. T. 2. P., 2005.*

<sup>15</sup> *Kléber en Égypte 1798–1800. P., 1988. T. 1; Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. T. 3–4. P., 1830–1836: Galland A. Tableau de l'Égypte, pendant le séjour de l'armée française. T. 1. P., 1804; Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes du général V<sup>te</sup> de Pelleport, de 1793 à 1853. T. 1. P., Bordeaux, 1857; Merme J.M. Des pyramides à Moscou: souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier // Recueil des mémoires et documents de l'Académie de la Val d'Isère. T. 14. Moûtiers, 1978; Bernoyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800: 19 lettres inédites. Port-Laval, 1981; Journaux sur l'Expédition d'Égypte. P., 2000.*

<sup>16</sup> *La Jonquière C., de. Op. cit. T. 2. P. 62.*



распространенным в Европе стереотипам об имманентной враждебности мусульман к христианской религии, он попытался заслужить их доверие тем, что в своем обращении фактически объявил себя врагом христианства: «Кади, шейхи, чорбаджи, скажите народу, что мы – истинные мусульмане. Не мы ли ниспровергли Папу, говорившего, что надо вести войну против мусульман? Не мы ли ниспровергли мальтийских рыцарей за то, что эти безумцы верили, будто Бог желает, чтобы они вели войну с мусульманами?»<sup>17</sup>. В мемуарах же о Египетской кампании Наполеон утверждает, что именно демонстративное дистанцирование военнотружущих Восточной армии от христианской религии снижало им симпатии египтян:

«Со времени революции французская армия не исполняла обрядов какой-либо религии. Она вовсе не бывала в церквях в Италии и не стала чаще бывать в них в Египте. Это обстоятельство было замечено проныцательным оком улемов, столь ревностно и тревожно относившихся ко всему, что имело отношение к их культуре. Оно оказало на них самое благоприятное влияние. Если французы не были мусульманами, то по крайней мере было доказано, что они и не идолопоклонники; султан Кебир, несомненно, находился под покровительством Пророка»<sup>18</sup>.

Однако демонстративный негативизм французов по отношению к христианству произвел на египтян, по свидетельству ал-Джабарти, впечатление прямо противоположное тому, которого добивался Бонапарт. Такой подход французов к делам религии вызвал у мусульман настороженность и серьезные подозрения в отношении этих незваных пришельцев, которые «не согласны ни с христианами, ни с мусульманами и не придерживаются никакой религии. Они безбожники, отрицающие загробную жизнь и Воскресение, пророков и Мессию»<sup>19</sup>. Впрочем, если бы даже египтяне поверили словам Бонапарта о его почтении к исламу, практические дела французских военнотружущих не могли не заставить в этих словах усомниться.

Командующий Восточной армией прекрасно знал, как мало уважения его солдаты проявляли даже к католическим святыням в Европе, и уж тем более не ждал от них чего-либо другого в стране совершенно иной культуры и религии. Поэтому еще по пути в

<sup>17</sup> Ibid. P. 63.

<sup>18</sup> *Наполеон Бонапарт*. Указ. соч. С. 117.

<sup>19</sup> Al-Jabarti's Chronicle. P. 47.

Египет французским солдатам был зачитан его приказ: «Народы, с которыми вы будете жить, мусульмане. Первая заповедь их веры гласит: “Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его”. Не спорьте с ними. Поступайте с ними так, как мы поступали с евреями и с итальянцами. Уважайте их муфтиев и имамов так, как вы это делали по отношению к раввинам и к епископам. Проявляйте к церемониям, предписанным Кораном, и к мечетям ту же терпимость, что вы проявляли к религиям Моисея и Иисуса Христа»<sup>20</sup>.

Солдаты, похоже, не услышали это предостережение, а если и услышали, то не придали ему большого значения. Всего десять дней спустя после высадки французских войск в Египте комендант Александрии генерал Клебер вынужден был издать следующий приказ по гарнизону: «Генералу доложили, что многие французы ходят испражняться возле мечетей или кладбищ. Поскольку это явно противоречит нашему обещанию относиться с уважением к религии мусульман, командиры не должны позволять подчиненным поступать подобным образом, а патрули обязаны следить за тем, чтобы такое больше не повторялось»<sup>21</sup>.

Со вступлением французских войск в Каир начальник штаба генерал Л. А. Бертье в приказе дня по армии от 25 июля 1798 г. лишний раз напомнил: «Категорически воспрещается французам любого звания и любых должностей входить в какие-либо мечети»<sup>22</sup>.

Впрочем, если даже французские солдаты в мечети не заходили, то отнюдь не считали нужным скрывать свое презрительное отношение к верованиям местных жителей. Позднее участники похода вспоминали: «Непривычные нравы этой страны стали обычным предметом для их [военнослужащих] сарказма. Пародировав поклонение Пророку, они внутри своих кварталов передразнивали проповеди в мечетях и бились лбами о землю, как добрые и благочестивые мусульмане»<sup>23</sup>.

Очевидно, однако, что подобной буффонадой дело не ограничивалось, поскольку Бонапарт в приказе по армии от 22 августа 1798 г. вынужден был вновь напомнить: «Главкомандующий повторяет свой запрет всем французам как-либо мешать отправлению культа, церемониям или исполнению обычаев этой страны»<sup>24</sup>.

<sup>20</sup> *La Jonquière C., de. Op. cit. T. 2. P. 22.*

<sup>21</sup> *Kléber en Égypte 1798–1800. T. 1. P. 114–115.*

<sup>22</sup> *La Jonquière C., de. Op. cit. T. 2. P. 294.*

<sup>23</sup> *Histoire scientifique et militaire. T. 3. P. 262.*

<sup>24</sup> *La Jonquière C., de. Op. cit. T. 2. P. 562.*

Причем «мешать» французские военные порою могли довольно радикальным способом. В мемуарах Ж. М. Мерма, служившего в Египетскую кампанию рядовым 18-го драгунского полка, есть упоминание о том, первое время после вступления в Каир французские часовые стреляли в муэдзинов во время азана, полагая, что те с минаретов призывают горожан к мятежу<sup>25</sup>.

Впрочем, каким бы образом французские солдаты ни демонстрировали свое презрение к доминирующей в Египте религии, это было совершенно не сравнимо с тем, что делало само же командование Восточной армии, призывавшее своих подчиненных к уважению ислама. Хотя Бонапарт в мемуарах, как мы видели, и рассказал умильную историю о том, как он по просьбе местных жителей исправил ошибку, совершенную его военными инженерами, повредившими несколько могил, на деле он сам приказом от 9 октября 1798 г. распорядился в ряде мечетей оборудовать форты с артиллерией, а на территории мечети Дахир-Бейбарс устроить конюшни на триста лошадей<sup>26</sup>.

Разумеется, всё это не могло не затронуть религиозные чувства местных жителей, весьма негативно воспринимавших подобные действия.

\* \* \*

Еще одна умильная история, рассказанная Наполеоном в своих мемуарах, касалась его отношения к жизням простых египтян:

«Однажды, когда великие шейхи находились у главнокомандующего, офицер, прибывший из Кельюба, доложил ему, что арабы племени биллис совершили налет на бедную деревню и убили одного феллаха. Наполеон выказал большое негодование и приказал одному из офицеров штаба отправиться туда с 300 всадниками и наказать разбойников. Поскольку он говорил с большим жаром, один из шейхов сказал ему: “Почему ты сердишься? Разве убитый феллах брат твой?” – “Да, – ответил султан Кебир, – все, кто послушен мне, – мои дети”. – “Тайиб, тайиб [Хорошо!], – сказал шейх Аль-Шаркауи, – то, что ты сказал, – справедливо, ты говоришь, как Пророк!!!” Полчаса спустя он не преминул рассказать об этом в большой мечети, заполненной огромной толпой, что очень обрадовало народ, вскричавший: “Бог велик, Бог – справедлив, всё идет от Бога, всё возвращается к Нему, все мы – Божьи”»<sup>27</sup>.

<sup>25</sup> Мерме Ж.М. *Op. cit.* P. 14.

<sup>26</sup> *Ibid.* Т. 3. P. 57–58. См. также: Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 110.

<sup>27</sup> Наполеон Бонапарт. Указ. соч. С. 133.

Однако письма Бонапарта, разосланные им после вступления в Каир французским губернаторам захваченных провинций, говорят о совершенно ином его взгляде на ценность жизни местных обитателей. Если в первые дни пребывания на земле Египта Бонапарт еще пытался убедить египтян, что пришел к ним как друг, то войдя в столицу, он резко сменил тон, о чем и сообщил генералу Клеберу в Александрию: «Больше всего по прибытии сюда мы должны были опасаться того, чтобы нашему приходу предшествовал страх <...>. Но сегодня обстоятельства совершенно противоположны; нашу репутацию укрепляет уже не то, что мы делали в Александрии, а то, что мы делаем в Каире; и об этом, как мы прекрасно знаем, известно повсюду»<sup>28</sup>. А что именно и почему они делали в Каире, Бонапарт так объяснил губернатору провинции Менуф генералу Ю. Зайончеку: «Надо, чтобы вы обращались с турками<sup>29</sup> максимально сурово. Здесь я ежедневно приказываю отрубать три головы и пронести их по Каиру. Это – единственное средство подчинить себе этих людей»<sup>30</sup>. В письме губернатору Розетты генералу Мену Бонапарт развил эту тему и поднял ставки еще выше: «Турками можно управлять только с величайшей суровостью; каждый день я приказываю отрубать пять или шесть голов на улицах Каира. До сих пор нам приходилось с ними церемониться, чтобы опровергнуть ту пугающую репутацию, что предшествовала нашему появлению; сегодня же, напротив, мы должны взять такой тон, который позволит держать эти народы в повиновении; а повиноваться для них – значит бояться»<sup>31</sup>.

Заметим, что речь здесь идет даже не о наказаниях за какое-либо сопротивление французской армии, упоминаниями о которых изобилует официальная переписка командования Восточной армии, а о произвольных репрессиях, осуществляемых исключительно «для острастки». Иначе говоря, речь идет о классическом случае террора – управления при помощи страха<sup>32</sup>. О том, как это происходило на практике, шейх ал-Джабарти рассказывает в своей хронике. По его свидетельству, уже через неделю по-

<sup>28</sup> *Bonaparte N.* Op. cit. P. 218.

<sup>29</sup> «Турками» французы называли всё оседлое мусульманское население Египта, а «арабами» – кочевников-бедуинов.

<sup>30</sup> *Ibid.* P. 222.

<sup>31</sup> *Ibid.* P. 224–225.

<sup>32</sup> Подробнее см.: Чудинов А. В. Террор Французской революции на земле Египта. 1798–1801 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42.

сле вступления французов в Каир их командование предприняло акцию устрашения, чтобы принудить местных жителей вернуть ранее похищенное ими имущество из дворцов сбежавших мамлюкских беев: «...Французы арестовали *шайх ал-джу'ильйа* [главу братства нищих] и с ним другого человека и расстреляли их около озера ал-Азбакийи, а других лиц – на площади ар-Румайла. Люди были охвачены страхом и доносили друг на друга, и потому многое из награбленного имущества было возвращено»<sup>33</sup>. То есть люди были казнены не за конкретную вину (в подобных случаях ал-Джабарти всегда указывал, за что последовало наказание), а ради запугивания жителей города, дабы добиться от них возвращения похищенного имущества. Иными словами, имел место откровенный акт террора.

Приведенная в мемуарах Наполеона история о его возмущении при известии о смерти феллаха выглядит особенно цинично на фоне того, что из других источников нам известно о действиях полиции, набранной из местных жителей – христиан и магрибинцев – и подчинявшейся непосредственно оккупационной администрации. Особенно широкую и печальную известность приобрел заместитель начальника этой полиции Бартелеми Грек. Вот как французские участники Египетского похода в дальнейшем описывали действия возглавлявшегося им отряда: «Отдельной задачей сего отряда было защищать окрестности Каира от неожиданных нападений со стороны целых племен или отдельных групп бедуинов, но Бартелеми по-своему понимал собственные обязанности и считал своим долгом, чтобы каждый выезд имел реальные результаты. <...> Всякий раз по возвращении ему сопутствовали пять-шесть голов, насаженных на длинные пики. <...> Нередко случалось так, что в своих дальних вылазках Бартелеми Грек не встречал бедуинов. Тогда, чтобы его триумфальные пики не остались без обычных трофеев, он приказывал своим людям нападать на бедных феллахов и рубить головы им. <...> Иной раз, когда охота оказывалась удачной и добычи было в изобилии, Бартелеми ссыпал отрубленные головы в мешок и в таком виде предъявлял их потом французским властям»<sup>34</sup>. Однажды Бартелеми пришел со своим мешком на званый обед, который комендант Каира генерал Дюпюи давал офицерам своего штаба и ученым созданного Бона-

<sup>33</sup> Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 73.

<sup>34</sup> Histoire scientifique et militaire. Т. 4. Р. 129–130.

партом Института Египта. Похваляясь «добычей», Грек высыпал окровавленные головы посреди зала. Аппетит собравшимся был испорчен. Комендант выгнал Бартелеми с его трофеями за дверь, но о запрете ему ежедневной «охоты» речи даже не заходило<sup>35</sup>.

Как видим, с приходом французов существование местных жителей – «детей султана Кебира» (по его собственному выражению) – ни на йоту не стало безопасней. Напротив, отныне им приходилось бояться, что в любой момент их жизнь тоже может прерваться по одной-единственной причине – для острастки остальных.

\* \* \*

Если уж речь зашла о христианине Бартелеми Греке, то следует сказать и о проблеме взаимоотношений между существовавшими в Египте конфессиями, которая резко обострилась с приходом французов. Христиане и евреи ранее составляли в египетском обществе меньшинство, находившееся в подчиненном положении по сравнению с мусульманами. После захвата Каира французами христиане и евреи начали активно сотрудничать с оккупационной администрацией, что повлекло за собой радикальное перераспределение социальных ролей в египетском обществе. Участники экспедиции позднее вспоминали: «Копты и евреи, долгое время притесняемые, подняли голову. Угнетенные стали угнетателями. Не довольствуясь достижением равенства с мусульманами, они захотели взять по отношению к ним командный тон»<sup>36</sup>. Разумеется, такая перемена статусов вызвала сильнейшее раздражение у приверженцев ислама.

Наполеон в мемуарах бегло упомянул об этой проблеме, которую, если верить ему, он разрешил практически походя:

«...Копты, греки, армяне, жившие в этой стране, <...> воспользовались приходом армии для того, чтобы сбросить иго обычаев, не страшась мусульман. Как только главнокомандующий узнал об этом, он их обуздал. Все вошло в свою колею. Древние обычаи были полностью восстановлены, что наполнило радостью сердца мусульман и внушило им полное доверие»<sup>37</sup>.

Однако данные других источников показывают, что в действительности конфликт не только не был разрешён, но и продолжал

<sup>35</sup> Ibid. P. 131.

<sup>36</sup> Ibid. P. 139.

<sup>37</sup> Наполеон Бонапарт. Указ. соч. С. 117.

углубляться. Бартелеми Грек и его подручные безнаказанно творили произвол на протяжении всего периода оккупации<sup>38</sup>. Копты, которым Бонапарт поручил заниматься взиманием налогов и поиском спрятанного имущества мамлюкских беев, которое подлежало конфискации, активно использовали полученные полномочия для грабежа мусульман и для собственного обогащения, что позднее признавали и сами французы: «Дабы эффективней отыскивать припрятанные сокровища, была собрана свора агентов-коптов, проникательных, усердных в деле, использовавшихся для слежки и шпионажа. Это они, фабрикуя заговоры, создавали предложения для того, чтобы конфисковать и захватывать. Если бы здравый смысл французских администраторов не сдерживал их рвение, в Каире не осталось бы ни одного богатого человека, не признанного агентом мамлюков»<sup>39</sup>.

Многочисленные злоупотребления копты совершали и при обложении мусульманского населения налогами, произвольно определяя, кому и сколько платить. Свидетельствует ал-Джабарти: «Для сбора этой контрибуции они [французы] назначили сборщиков налогов – коптов. Последние отправлялись в провинции и повели себя там как полновластные правители. Они заключали жителей в тюрьму, били их и занимались вымогательством»<sup>40</sup>. Жалобы же пострадавших, по признанию самих же французов, не доходили до верхов оккупационной администрации, поскольку гасли на уровне переводчиков, среди которых не было ни одного мусульманина<sup>41</sup>.

Не удивительно, что даже участники похода позднее сочли одной из причин Первого Каирского восстания те притеснения, которые чинили мусульманам местные христиане, поступившие на французскую службу<sup>42</sup>.

\* \* \*

Одной из наиболее трудноразрешимых проблем, с которыми командованию Восточной армии пришлось столкнуться после вступления в Каир, стал острейший дефицит финансов. 12 октября 1798 г. Бонапарт писал главному администратору финансов

<sup>38</sup> Подробнее см.: Чудинов А. В. Репрессивное меньшинство: христиане Египта в период французской оккупации 1798–1801 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 1 (123). URL: <https://history.jes.su/s207987840024210-0-1/>

<sup>39</sup> Histoire scientifique et militaire. Т. 4. Р. 95–96.

<sup>40</sup> Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 81.

<sup>41</sup> Histoire scientifique et militaire. Т. 4. Р. 139.

<sup>42</sup> Ibid. Р. 138.

Ж. Б. Пусьельгу: «В кассе абсолютно нет денег. Мне трудно обеспечивать функционирование армии»<sup>43</sup>. В своей официальной корреспонденции августа-октября 1798 г. командующий неоднократно обращался к вопросу о том, где достать необходимые средства, прежде всего для выплаты жалования военнослужащим. Для этого контрибуциями облагалась имущая часть местного населения, применялись различные штрафы и конфискации<sup>44</sup>. Разумеется, все эти поборы весьма болезненно воспринимались египтянами.

Впрочем, подобные экстренные меры позволяли лишь разово закрыть те или иные срочные потребности, но не могли обеспечить регулярное наполнение армейской казны. Чтобы обеспечить систематическое поступление средств, Бонапарт решил по европейскому образцу ввести в Египте постоянный налог на собственность. 16 сентября 1798 г. было объявлено, что все владельцы недвижимости в течение двух месяцев должны зарегистрировать ее в специально создаваемой комиссии, предъявив документы, подтверждающие их права<sup>45</sup>. Незарегистрированная собственность подлежала конфискации<sup>46</sup>. Однако осуществление подобной регистрации оказалось весьма сложным делом. В Египте не было столь же развитой системы нотариальной фиксации имущественных сделок, как во Франции, где она действовала уже на протяжении нескольких столетий. Соответственно введенная французами процедура регистрации ставила под сомнение имущественные права многих людей. Ал-Джабарти так описывал ситуацию, в которой оказались жители Каира: «Доказать же свои права жителям было трудно, так как они приобрели имущество либо посредством покупки, либо по завещанию своих родственников, либо каким-нибудь еще подобным способом, а имеющиеся у владельцев документы в некоторых случаях были составлены недавно, а иногда в далеком прошлом. В последнем случае они были написаны на имя предков, завещавших имущество. Установить подлинность этих документов было делом трудным или даже невозможным из-за смерти или отъезда свидетелей. Могло случиться и так, что свидетели нашлись бы, но их показания по тем или иным причинам не могли быть приняты во внимание»<sup>47</sup>. Такая неопределенность

<sup>43</sup> Bonaparte N. Op. cit. P. 528.

<sup>44</sup> См.: Ibid. P. 369, 402, 405, 411, 419, 468, 481, 487, 511, 521, 540.

<sup>45</sup> La Jonquière C., de. Op. cit. T. 3. P. 11.

<sup>46</sup> Histoire scientifique et militaire. T. 4. P. 93–94.

<sup>47</sup> Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 89.



открывала широкий простор для произвола со стороны чиновников оккупационной администрации из числа коптов<sup>48</sup>.

Однако, согласно мемуарам Бонапарта, его меры в регулировании отношений собственности и налогообложения получили поддержку со стороны созванного в начале октября 1798 г. общенационального дивана Египта:

«Будучи запрошен о своем мнении по важнейшему вопросу – следует ли сохранить законы и обычаи, регулирующие право владения, или же следует предпочесть введение законов Запада, где право собственности на имущество неприкосновенно, а передача владений допускается по завещаниям, дарственным или на основании добровольных актов купли-продажи, притом в согласии с установленными законами и формами, – Большой совет не стал колебаться. Он единодушно заявил: законы Запада соответствуют духу книги истины [то есть Корана]...»<sup>49</sup>

Впрочем, нетрудно заметить, что всю эту ситуацию автор мемуаров описывает достаточно туманно – в самых общих выражениях, а термин «регистрация» вообще не упоминает. На самом деле, желая получить поддержку введенной им процедуры регистрации со стороны местных элит, Бонапарт действительно поручил своим представителям в общенациональном диване, ученым Г. Монжу и К. Л. Бертолле, выяснить мнение членов дивана по данному вопросу<sup>50</sup>. Но последние, при всём своем конформизме и стремлении без нужды не сердить завоевателей, на сей раз проявили характер и фактически предложили французам отказаться от процедуры регистрации, поскольку та, дескать, технически очень сложна: «Надо отметить, что представление и рассмотрение договоров [о передаче прав собственности] требует много усилий и времени от проверяющей стороны и вызывает немалые затруднения для собственников, так как, чтобы расшифровать все договора Каира, потребуется по меньшей мере несколько лет, а на всю эту операцию отводится лишь тридцать дней. Таким образом, она просто физически невозможна, ибо выполнение данной задачи требует значительного времени». Взамен диван рекомендовал просто обложить различные объекты собственности налогом, не требуя подтверждения прав от их владельцев<sup>51</sup>.

<sup>48</sup> Histoire scientifique et militaire. Т. 4. Р. 95.

<sup>49</sup> Наполеон Бонапарт. Указ. соч. С. 136.

<sup>50</sup> Bonaparte N. Op. cit. Р. 505.

<sup>51</sup> La Jonquière C., de. Op. cit. Т. 3. Р. 274. См. также: Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 99–100.

Иначе говоря, элиты Египта вопреки утверждениям Бонапарта не только не приняли его затею с восторгом, но и осмелились ей противиться. Не удивительно, что французские участники похода позднее назвали начатую по инициативе Бонапарта регистрацию собственности одной из причин Первого Каирского восстания<sup>52</sup>. Несколько наивно, но весьма четко такое же впечатление выразил тогда в своем дневнике и лейтенант Д. Лаваль: «Мусульмане, обремененные контрибуциями, стали недобро смотреть на нас и решили нас перерезать»<sup>53</sup>.

\* \* \*

Помимо собственно политики, то есть тех или иных действий французской оккупационной администрации по управлению захваченной страной, отношение египтян к оккупантам во многом определялось контактами с ними в сфере повседневного общения. Влиять на таковое командование Восточной армии не могло, даже если бы захотело: за каждым солдатом не уследишь, а потому, как его ни уговаривай, он всё равно будет следовать в быту привычным ему практикам и культурным кодам. Впрочем, то же самое относилось и к самому французскому командованию. На словах призывая подчиненных уважать местные обычаи и пытаясь в меру своей фантазии изображать из себя восточного правителя, Бонапарт, по сути, оставался точно таким же европоцентристом, а точнее даже франкоцентристом, как его соотечественники. И тот, и другие считали Францию вершиной цивилизации и считали, что подражание ей является для других наций залогом прогресса. А потому в официальной переписке Бонапарт откровенно высказывал желание перекроить обычаи завоеванной страны по французским лекалам. К примеру, 10 сентября 1798 г. он писал комиссару Французской Республики на Мальте: «Дела здесь [в Египте] идут великолепно. С каждым днем наша власть укрепляется. Богатство этой страны, которое составляют зерно, рис, овощи, хлопок, сахар, индиго, столь же велико, как варварство обитающих здесь людей. Но уже происходит изменение их нравов. Не пройдет и двух-трех лет, как всё тут примет совершенно иной облик»<sup>54</sup>. А 7 октября он докладывал Директории: «Нравы этой страны столь далеки от наших, что потребуется немало времени, дабы этот народ таковые усвоил; однако с каждым днем он всё больше их постигает»<sup>55</sup>.

<sup>52</sup> Histoire scientifique et militaire. T. 4. P. 138 ; *Pelleport P.* Op. cit. P. 131.

<sup>53</sup> Journaux sur l'Expédition d'Égypte. P. 181.

<sup>54</sup> *Bonaparte N.* Op. cit. P. 406.

<sup>55</sup> Ibid. P. 513.

Такое же убеждение о необходимости перестройки обычаев оккупированной страны по французскому образцу разделяли и подчиненные Бонапарта. В дальнейшем они даже с гордостью вспоминали об этом, считая стремление к насаждению ценностей своей цивилизации в ареале иной культуры особым достоинством французской нации: «Такова отличительная черта нашего характера. Это в природе французского солдата – скорее навязывать свои нравы завоеванным народам, нежели считаться с чужими нравами»<sup>56</sup>.

Однако тот «устав», с которым французы пришли в чужой «монастырь», настолько противоречил египетским реалиям, что его повседневное применение жестоко оскорбляло местных жителей. Свидетельствует ливанский христианин Никула ат-Турк: «Каир стал похож на Париж. Женщины без стеснения выходили с французами, везде распивали вино и крепкие спиртные напитки, происходили также другие вещи, которые Господь наш не одобряет»<sup>57</sup>.

И даже, на первый взгляд, вполне безобидные развлечения французских военных – то есть не связанные ни с распитием алкоголя, табуированного в культуре ислама, ни с неподобающим для мусульманского общества поведением женщин<sup>58</sup> – устраивались таким образом, что это раздражало и обижало местных жителей. Так, в приказе дня по армии от 2 сентября 1798 г. говорилось, что французы, особенно военнослужащие, устраивают по улицам города форменные гонки на ослах, главным виде городского транспорта, причиняя ущерб пешеходам<sup>59</sup>. О том, что французы, не считаясь с местными жителями, скачут во весь опор по Каиру на ослах, вспоминал и типограф армии А. Галлан. Он также добавлял, что владелец осла, сдавший животное французу на прокат, мог при оплате этой услуги получить вместо условленной монеты удар палкой<sup>60</sup>.

И массовые празднества, которыми Бонапарт, по его утверждению, завоевал сердца жителей Каира, воспринимались египтянами, согласно свидетельствам современников, далеко не столь радостно, как он пытался это представить. Вот, к примеру, замечание

<sup>56</sup> Histoire scientifique et militaire. Т. 4. Р. 65–66.

<sup>57</sup> Ibid. Р. 212.

<sup>58</sup> Подробнее см.: Чудинов А. В. Солдаты Бонапарта и женщины Востока // ФЕ 2022. Т. 55. М., 2022. С. 63–97.

<sup>59</sup> La Jonquière C., de. Op. cit. Т. 3. Р. 49.

<sup>60</sup> Galland A. Op. cit. Р. 132–133.

ал-Джабарти о празднике Нила: «Что касается жителей города, то никто из них не совершал в эту ночь прогулки на лодках, как это полагалось по обычаю, если не считать христиан – сирийцев, коптов, греков и местных европейцев с их женами. Только немногие бездельники пришли к реке в это утро»<sup>61</sup>. На празднике же Республики жители Каира, по словам ат-Турка, увидели в колонне с французским флагом, олицетворявшей древо свободы, символ средства казни – кол, на который, как они считали, французы посадили всю страну<sup>62</sup>. Руководитель швейной службы в армии Ф. Бернуайе тогда же писал жене, что на празднике Республики жители Каира отнюдь не разделяли «безудержного веселья» французов, помня о том, каким репрессиям их подверг Бонапарт<sup>63</sup>. Одним словом, праздники у Бонапарта получились не слишком праздничными.

Навязывание мусульманам французских поведенческих практик не только не сблизило оккупантов и оккупированных, а, напротив, еще больше настроило их друг против друга, поскольку, констатировал ат-Турк, «египтяне совершенно не принимали французов из-за различий в религии, языке и обычаях»<sup>64</sup>. Характерно, что среди причин, приведших к Первому Каирскому восстанию, ат-Турк, помимо внешних факторов, таких как агитация со стороны османов и мамлюков, выделил именно те действия французов, которые противоречили культурным кодам мусульман и вызвали у тех острый когнитивный диссонанс: «Требование французов к мусульманским женщинам и девушкам выходить на улицу с открытым лицом; разрешение продавать вино военнослужащим, а тем – его пить; разрушение минаретов и мечетей на площади Азбекийя при расширении проезда для повозок – все эти нововведения рассматривались мусульманами как огромное зло, заставляли их содрогаться до глубины души и открыто говорить, что настал момент восстать против подлых иноверцев во имя победы ислама»<sup>65</sup>.

\* \* \*

Таким образом, обращение к более широкому кругу источников даёт совершенно иную картину взаимоотношений французов и египтян в первые месяцы оккупации Каира, чем та, которую

<sup>61</sup> Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Указ. соч. С. 77.

<sup>62</sup> *El-Turk N.* Op. cit. P. 52.

<sup>63</sup> *Bernoier F.* Op. cit. P. 80.

<sup>64</sup> *Turc N.* Op. cit. P. 35.

<sup>65</sup> *El-Turk N.* Op. cit. P. 76.

представил в своих мемуарах Бонапарт. Систематическое оскорбление оккупантами религиозных чувств приверженцев ислама, непрерывный террор со стороны новых властей, спровоцированное французами обострение межконфессиональных противоречий в египетском обществе, попытка радикального изменения отношений собственности и порядка налогообложения без учета существующих реалий и, наконец, агрессивное привнесение в повседневную жизнь мусульманского общества чуждых тому практик поведения – всё это способствовало накоплению у египтян того недовольства, которое в результате и привело к социальному взрыву Первого Каирского восстания. Ситуация в египетском обществе была бесконечно далека от той гармонии, которую в своих мемуарах будет рисовать Бонапарт. На деле его попытка завоевать симпатии жителей Египта полностью провалилась. Французам, отмечает ат-Турк, «несмотря на все их усилия, не удалось вселить доверие в сердца. Мусульмане затаили ненависть против них, желая им горя и страданий...»<sup>66</sup>.

Именно такое отношение многомиллионного населения огромной страны к горсти пришедших в нее завоевателей и станет в конечном счете главной предпосылкой краха Египетской экспедиции Бонапарта.

## REFERENCES

- Абд ар-Рахман ал-Джабартти*. Египет в период экспедиции Бонапарта / Пер., пред. и комм. И. М. Фильштинского. М., 1962 [Abd ar-Rakhman al-Dzhabarti. Egipet v period ékspeditsii Bonaparta / Per., pred. i komm. I. M. Fil'shtinskogo. Moscow, 1962].
- Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980 [Manfred A. Z. Napoleon Bonapart. 3-e izd. Moscow, 1980].
- Наполеон Бонапарт*. Египетский поход. СПб., 2007 [Napoleon Bonapart. Egipetskiĭ pokhod. Saint-Petersburg, 2007].
- Робертс Э.* Наполеон: биография. М., 2023 [Roberts É. Napoleon: biografīia. Moscow, 2023].
- Тарле Е. В.* Наполеон // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. М., 1959. Т. 7 [Tarle E. V. Napoleon // Tarle E. V. Sochineniia v dvenadtsati tomakh. M., 1959. T. 7].
- Чудинов А. В.* Египетское «наследие» Бонапарта // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 100–

<sup>66</sup> *El-Turk N.* Op. cit. P. 49.

- 127 [Tchoudinov A. V. Egipetskoe «nasledie» Bonaparta // Frantsuzskii ezhegodnik 2019: Èpokha Napoleona i pamiat' o neï. M., 2019. S. 100–127].
- Чудинов А. В. Репрессивное меньшинство: христиане Египта в период французской оккупации 1798–1801 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 1 (123). URL: <https://history.jes.su/s207987840024210-0-1/> [Tchoudinov A. V. Repressivnoe men'shinstvo: khristiane Egipta v period frantsuzskoi okkupatsii 1798–1801 gg. // Èlektronnyï nauchno-obrazovatel'nyï zhurnal «Istoriia». 2023. T. 14. Vyp. 1 (123)].
- Чудинов А. В. Солдаты Бонапарта и женщины Востока // Французский ежегодник 2022: Французы за пределами Франции. Т. 55. М., 2022. С. 63–97 [Tchoudinov A.V. Soldaty Bonaparta i zhenshchiny Vostoka // Frantsuzskii ezhegodnik 2022: Frantsuzy za predelami Frantsii. T. 55. M., 2022. S. 63–97].
- Чудинов А. В. Террор Французской революции на земле Египта. 1798–1801 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42 [Tchoudinov A.V. Terror Frantsuzskoi revoliutsii na zemle Egipta. 1798–1801 gg. // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2020. T. 22. № 3 (200). S. 27–42].
- Чудинов А. В. Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> [Tchoudinov A.V. Frantsuzy v Egipte 1798–1801 gg.: neudavshiïsia dialog tsivilizatsii // Èlektronnyï nauchno-obrazovatel'nyï zhurnal «Istoriia». 2021. T. 12. Vyp. 7].
- Bernoyer F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie, 1798–1800 : 19 lettres inédites. Port-Laval, 1981.
- Bonaparte N. Correspondance générale. La campagne d'Égypte et l'avènement. 1798–1799. Paris, 2005. Т. 2.
- El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Egypte / Publiée et traduite par M. Desgranges-aîné. Paris, 1839.
- Galland A. Tableau de l'Égypte, pendant le séjour de l'armée française. Paris, 1804. Т. 1.
- Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Paris, 1830-1836. Т. 3–4.
- Journaux sur l'Expédition d'Égypte. Paris, 2000.
- Kléber en Égypte 1798–1800. Paris, 1988. Т. 1.
- La Jonquière C., de. L'expédition d'Égypte. 2<sup>e</sup> éd. Paris, 2003. Т. 2–3.

*Merme J.M.* Des pyramides à Moscou : souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier // Recueil des mémoires et documents de l'Académie de la Val d'Isère. Moûtiers, 1978. Т. 14. Р. 11–30.

*Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes du général V<sup>te</sup> de Pelleport, de 1793 à 1853. Paris ; Bordeaux, 1857. Т. 1.

*Turc N.* Chronique d'Égypte 1798–1804. Le Caire, 1950.

**Чудинов Александр Викторович**

доктор исторических наук, профессор  
Государственный академический  
университет гуманитарных наук  
119049, Москва, Мароновский переулок, 26  
главный научный сотрудник  
Институт всеобщей истории РАН  
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а  
e-mail: tchoudin@mail.ru

**Alexander Tchoudinov**

Dr. Hab. (History), Professor  
State Academic University  
for the Humanities  
26 Maronovskiy pereulok  
119049, Moscow  
Chief Researcher,  
Institute of World History of  
the Russian Academy of Sciences  
32a, Leninski Ave.,  
119334 Moscow, Russia  
e-mail: tchoudin@mail.ru  
Researcher ID B-9655-2017  
ORCID: 0000-0003-2522-453X  
Scopus ID: 26034936800